СИНОНИМИЯ, АНТОНИМИЯ И ПОЛИСЕМИЯ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ: НА МАТЕРИАЛЕ ХОРЕЗМСКИХ ОГУЗСКИХ ГОВОРОВ

Матназаров Шахзодбек Бахтиярович
PhD, Ургенчский государственный университет имени Абу Райхана Беруни
Исмаилова Анахон Камоладдин кизи
Докторант 3-го курса Ургенчского государственного университета имени Абу Райхана Беруни

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения к паремиологической единице понятий синонимии, антонимии и полисемии, разработанных для лексического уровня. Решение вопроса автор видит в двухслойной структуре значения паремии: семантические отношения устанавливаются не на буквальном, а на обобщённом уровне.

Ключевые слова: паремиологическая синонимия, синонимический ряд, антонимия, контекстуальный антоним, полисемия, вариантность.

Введение. Понятия синонимии, антонимии и полисемии были разработаны в языкознании прежде всего применительно к единицам лексического уровня. Их применение к паремии порождает теоретический вопрос, который необходимо решить заранее: способна ли единица, обладающая статусом предложения, вступать в те же семантические отношения, что и слово?

Ш. Рахматуллаев строго разграничивал фразеологические и паремиологические единицы по их коммуникативному свойству: фразеологизм выполняет номинативную функцию и приравнивается к слову, тогда как пословица выражает законченное суждение [2]. Исходя из этого различия, некоторые исследователи сочли применение лексических отношений к паремии неуместным.

В узбекском языкознании путь решения вопроса со стороны содержания указала Б.М. Джураева. Исследовательница впервые всесторонне обосновала наличие в пословицах явлений многозначности, синонимии и вариантности [1]. В настоящей статье это направление продолжается на диалектном материале.

Теоретическая основа: два слоя значения

Решение вопроса заключается в двухслойной структуре значения паремии. В каждой пословице есть буквальное значение и вытекающее из него обобщённое значение, причём в коммуникативном отношении активно только второе. Единица *Araq qazìmasaŋ, átìza suv bármas* («Не выкопаешь арык — вода на поле не пойдёт») не выносит суждения о распределении воды [6]: она говорит о причинно-следственной связи. Н. Норрик, анализируя соотношение буквального и переносного слоёв в формировании значения паремии, показал, что коммуникативная ценность принадлежит именно второму слою [4].

Синонимические ряды и их строение. При анализе синонимических отношений используется понятие синонимического ряда: члены ряда выражают одно обобщённое значение, но различаются образом, экспрессивностью и сферой употребления.

Наиболее надёжным основанием для выделения рядов служат собственные пометы составителей источников. В словаре хорезмских говоров при толковании ряда пословиц прямо указано отношение синонимии:

единица *Aqìllì öjlängűnčä, täntäk suvdan ötädi* («Пока умный раздумывает, безрассудный реку перейдёт») отмечена как синоним литературной пословицы *O'ychi o'ylanguncha, tavakkalchi ishini bitiradi* («Пока мыслитель раздумывает, смельчак своё дело завершит») [5];

единица *Hajfgìna gavda, aql bolmasa, ne fájda* («Жаль статного тела: коли ума нет, какой прок?») — как синоним пословицы *Terakday bo'y bergandan tugmadek aql bergan yaxshi* («Лучше дать ума с пуговку, чем рост с тополь») [5].

В строении этих помет прослеживается закономерность, и она не случайна: во всех случаях диалектная единица толкуется через широко распространённую пословицу литературного языка, обратное же не встречается. Следовательно, для составителей словаря единица литературного языка выполняла функцию эталона значения. Это обстоятельство отражает методологическую особенность паремиографической практики, и его необходимо учитывать. Такая помета служит доказательством синонимии, но вместе с тем оставляет в тени самостоятельную ценность диалектной единицы.

Разграничение полной и частичной синонимии обосновывается на материале корпуса. При полной синонимии содержание совпадает, меняется лишь образ. При частичной синонимии обобщённое значение одно и то же, но различаются образная основа и оценочная тональность. Это показывает трёхчленный ряд:

Bärsäŋ álasan, äksäŋ orasan («Дашь — получишь, посеешь — пожнёшь») [6] — нейтральное и обобщённое выражение;

Mäkkäžöhári ekkän mäkkäžöhári oradì, žöhári ekkän žöhári («Кто посеял кукурузу, кукурузу и пожнёт, кто посеял джугару — джугару») [5] передаёт ту же идею через конкретную реалию оазисного земледелия;

Jaqma, pišärsän, qazma tušärsän («Не поджигай — сам изжаришься, не рой — сам упадёшь») [6] образует отрицательный полюс ряда.

Смена образной основы не проходит бесследно в семантическом отношении. Это можно наблюдать при сопоставлении двух единиц, выражающих противопоставление внешности и ума. В единице *Bojnì bár däräqdin, aqlì joq köräkdin* («Ростом с тополь, а ума — меньше хлопковой коробочки») образ создают фитонимы [6]: тополь — символ высоты и величавости, а *köräk*, то есть хлопковый бутон, — мера малости. Сопоставление

двух названий растений придаёт выражению региональную окраску, поскольку оба они — привычные элементы хорезмского земледельческого пейзажа.

Два уровня антонимии. Антонимия проявляется в паремиологических единицах на двух уровнях, и эти уровни различны по своей природе:

внутрипаремийная антонимия — употребление слов с противоположным значением в пределах одной единицы;

межпаремийная антонимия — вынесение двумя самостоятельными единицами противоположных суждений по одному вопросу.

Внутрипаремийная антонимия настолько широко распространена в диалектном материале, что её правильнее оценивать не как украшение, а как один из основных способов построения паремии. В единице *Báj bolìb báltaŋ joq, gádáj bolìb xáltaŋ joq* («Богач, а топора нет; нищий, а сумы нет») основной антонимической парой являются «богач» и «нищий» [6], однако к ней добавляется второй слой. Слова *bálta* («топор») и *xálta* («сума») сами по себе антонимами не считаются, но в рамках данной паремии располагаются на противоположных полюсах как признаки двух сословий. Такое явление называется контекстуальной антонимией.

Связь между антонимической парой и синтаксической моделью указывает на важную закономерность: большинство единиц корпуса, содержащих антонимы, построено в двухчастной параллельной конструкции. Яркими примерами служат единицы *Toqlìq nánnì tátdìrmas, joqlìq neni jedirmäs* («Сытость не даст почувствовать вкус хлеба, нужда чего только не заставит съесть») [6] и *Áčlìq neni jedirmäs, toqlìq neni dedirmäs* («Чего только не заставит съесть голод, чего только не заставит сказать сытость») [6]. З.К. Тарланов, анализируя синтаксико-поэтическое строение русских пословиц, показал связь между построением предложения и поэтической формой [3]. Диалектный материал

подтверждает этот взгляд и добавляет к нему семантическое измерение: параллельная модель требует антонимической пары.

Межпаремийная антонимия имеет иную природу. Единица *Här vaqt bosa häm dűšmängä jaxšïlïq ätmä* («Никогда не делай добра врагу») проповедует абсолютное недоверие к врагу [6]. Другая же единица корпуса подчёркивает, что во время нужды и враг не причиняет вреда. Сосуществование двух суждений в одном фонде — не логическое противоречие: каждая единица обслуживает свой тип ситуации, и они существуют в функциональном распределении.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Семантические отношения, разработанные для лексического уровня, могут применяться к паремии, но при одном условии: отношение должно устанавливаться не на буквальном, а на обобщённом уровне значения. Этот критерий чётко определяет и границу между вариантностью и синонимией.

Смена образной основы в строении синонимических рядов — не нейтральное явление: она придаёт выражению региональную окраску или меняет оценочную тональность. Поэтому рассматривать диалектные синонимы как простые соответствия единиц литературного языка было бы неверно.

Два уровня антонимии выполняют разные функции. Внутрипаремийная антонимия является способом построения и устойчиво связана с двухчастной параллельной моделью. Межпаремийная антонимия отражает внутреннюю диалогичность фонда и обеспечивает сохранение нескольких противоположных опытов по одному вопросу.

Наконец, явление контекстуальной антонимии особенно активно в диалектном материале. В нём рифма и синтаксическая модель поднимаются до уровня средства, создающего семантическое противопоставление. Это доказывает, что связь формы и содержания в паремии теснее, чем на лексическом уровне.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Jo'rayeva B.M. O'zbek xalq maqollari shakllanishining lingvistik asoslari: Filol. fan. d-ri (DSc) diss. avtoref. – Toshkent, 2019.

Раҳматуллаев Ш. Ўзбек тилининг изоҳли фразеологик луғати. – Тошкент: Ўқитувчи, 1978.

Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1999.

Norrick N.R. How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs. – Berlin: Mouton, 1985.

Норбоева Ш., Саъдуллаева Н., Атабоева М. Хоразм шеваларидаги мақол ва ибораларнинг қисқача изоҳли луғати. – Урганч, 2022. – Б. 66, 77, 86.

Xorazm folklori. XI tom / To'plovchi S. Ro'zimboyev. – Urganch, 2021. – B. 29–37.

Komil Avaz. Mo'jaz maqollar va naqllar. – Urganch, 2005. – B. 28.